

ДИФФУЗ НОВИЦКИ

ТОМАС
ПЛЕТЦИНГЕР

18+

МЕЧТА,
СТАВШАЯ
РЕАЛЬНОСТЬЮ

БОМБОРА

Легенды баскетбола

Томас Плетцингер

**Дирк Новицки. Мечта,
ставшая реальностью**

«ЭКСМО»

2019

УДК 796.323.2:929

ББК 75.566

Плетцингер Т.

Дирк Новицки. Мечта, ставшая реальностью / Т. Плетцингер — «Эксмо», 2019 — (Легенды баскетбола)

ISBN 978-5-04-196844-1

Дирк Новицки - легенда баскетбола и один из самых успешных немецких спортсменов всех времен. Его карьера полна достижений и впечатляющих успехов, которые сделали его одним из самых узнаваемых и уважаемых игроков в истории НБА. С самого своего прихода в НБА, Новицки проявил себя как один из самых талантливых и многообещающих игроков. Он быстро стал одним из лидеров "Маверикс" и сумел привести команду к большому успеху. В 2011 году он смог привести Даллас к их первому в истории НБА чемпионскому титулу, став самым ценным игроком (MVP) финальной серии. В этой книге вы познакомитесь с историей жизни Дирка Новицки — его детством в Германии, первыми шагами на баскетбольном паркете, а также с трудностями, которые он преодолел на пути к успеху. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 796.323.2:929

ББК 75.566

ISBN 978-5-04-196844-1

© Плетцингер Т., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Финишная линия. Пролог	6
Часть 1. Дирк Новицки	12
Другая Лига	13
Начало	21
Кафедральный собор возможностей	25
3036 Мокинберд Лэйн	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Томас Плетцингер Дирк Новицки. Мечта, ставшая реальностью

© Каминская А.А., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается моей команде: Марте, Фритци, Анне и Бине

ПЕСНЯ

Она больше не делает их такими, Она больше не делает их такими,

Такими...

Дэвид Базан «Баллада о Педро и Бланко»

Финишная линия. Пролог

Было ясно, что этот день наступит. Я был свидетелем карьеры Дирка Новицки полжизни, сначала как баскетболист, затем со стороны, позже как спортивный репортер и наконец как автор этой книги. Прошло почти семь лет с тех пор, как я впервые написал о Дирке Новицки, и с тех пор я наблюдаю за тем, как он работает.

Мы с Дирком Новицки сидели вместе в бесчисленных гостиничных номерах, в салонах автомобилей и на скамейках в раздевалках, на пастбищах среди пасущихся коров в Словенских Альпах, в детском саду его дочери в Престон Холлоу в Далласе, в кабинетах врачей, на террасах и съемочных площадках, на стадионах и в пыльных спортзалах. Мы были в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе, Краньска-Горе и Варшаве, Рандерсаккере и Шанхае. Мы говорили о баскетболе и обо всем остальном, о наших родителях, детях, книгах и наших дряхлых костях. Мы даже однажды тренировались вместе. Я был свидетелем нескольких важнейших событий в его жизни, о некоторых я слышал от других людей. Я видел его под яркими прожекторами стадиона и на затемненной арене во время тренировок.

Во время его 30-тысячного матча я сидел на трибунах рядом с Хольгером Гешвинднером и был тронут до глубины души: тем, чего он достиг, результатом, который он показал, и любовью, которую Дирк вызывал у окружающих. Все потому, что я имел возможность сидеть там, и я размышлял, каких усилий стоило Дирку Новицки достичь этого уровня. Я понимал, что хочу описать этот момент. Но я также понимал, что мне очень трудно будет описать словами его силу духа, абсолютное мастерство его приемов, его скорость. Как защитники в игре против него не успевали что-либо сделать, так и мои слова будут всегда опаздывать на одну десятую секунды.

Мир Новицки – это закрытая система со своим собственным мышлением и собственным языком. Если вы попали в его мир – из него не выйти.

В расписании Дирка нет свободных минут. Когда он не мог говорить из-за нехватки времени, я общался с людьми, которые ему важны и кому важен он. Я пытался понять, что отличает его от всех других баскетболистов. От всех остальных спортсменов. Что делает его особенным.

Я никогда не просил у него автографа, мы никогда не делали селфи, мы часто сидели за столиками в ресторанах вместе с Дирком, я заказывал себе вино, пока он пил воду. Мы вместе летали, ездили, гуляли. Однажды из-за Дирка я угодил в драку в Оклахома-Сити. Я отказался от своей журналистской независимости, чтобы понять систему Новицки. Мои дочери родились во время моих исследований для этой книги, и когда их спрашивают, чем я зарабатываю на жизнь, они говорят: «Дирком Новицки».

Я всегда думал, что поеду вместе с Дирком Новицки на его последний домашний матч, всегда представлял и рисовал себе эту сцену. В последние годы мы часто сидели рядом в машине: он за рулем, я с ноутбуком на пассажирском сиденье. Как бы я представил себе сегодняшний день несколько лет назад: я сижу в машине и пишу, пока Дирк Новицки и его наставник, тренер и друг Хольгер Гешвинднер едут на свой последний домашний матч. Я на заднем сиденье, в слепой зоне, ноутбук на коленях... Но 9 апреля 2019 года я еду на игру в обычном такси. А они в этот момент едут одни, без спутников.

Дорога идет на юг, мимо совершенно одинаковых зданий и рекламных щитов, на одном из которых Новицки, вдали от центра Далласа и белоснежных арок над рекой Тринити. Башня Воссоединения. В какой-то момент машина выезжает на шоссе, я замечаю искусственный водопад над улицей, рекламу пива Coors Light.

Приближаясь к арене «Американ Эйрлайнс-центр», я вдруг понимаю, почему Дирк Новицки был настолько успешным: он и Гешвинднер никогда не делали ничего, чтобы подстраиваться под мнения других. И сегодняшний день не исключение.

Такси едет под разрушенным мостом по низкой Норт-Хьюстон-стрит, вдоль бульвара Гарри Хайнс, а затем поворачивает на Олив-стрит. Вот и «Американ Эйрлайнс-центр». *Дом, который построил Дирк*. «Все правильно, так оно и есть», – записываю я. «Иногда двери должны оставаться закрытыми, а заднее сиденье пустым».

Когда я выхожу из такси, кажется, что в весеннем воздухе висит задумчивость и торжественность. И снова все почти как в прошлом году: сезон для «Даллас Маверикс» был бессмысленным в течение нескольких недель, а если быть честным, то в течение нескольких месяцев, но сегодня команда играет свой последний домашний матч, снова против «Феникс Санз», все еще худшей команды в лиге. Сегодня вечером уже ничего значительного не произойдет, тем не менее еще за три часа до начала игры фанаты толпятся на площади перед ареной. Что изменилось? Год назад Дирк объявил о своем решении продержаться в спорте еще один год.

Дирк Новицки пока официально не объявил об окончании своей карьеры, но все, кто стоит перед ареной, готовы к этому. Флаги с его изображением висят на каждом уличном фонаре, достижения его жизни в цифрах и фотографиях: чемпион 2011 года, 6-е место в списке бомбардиров за всю историю, 14-кратный победитель матча всех звезд НБА и так далее и тому подобное. Он – первый игрок в истории лиги, который 21 год выступает за один и тот же клуб, «Даллас Маверикс». На огромном баннере спереди изображен многоэтажный образ Новицки, включая ультрасовременный слоган: «41.21.1».

Дирк Новицки: 41-й номер на майке.

21 год за плечами.

1 клуб.

В последние несколько дней поползли необычные слухи. Может ли итоговое первое место подарить надежду, что он, возможно, останется? Что Дирк Новицки продержится еще год? Что это продолжится? Все ожидают окончания карьеры, но очень немногие могут действительно поверить в это.

Многие поклонники приезжают со всего мира, из Германии, Китая, они одеты в разные костюмы и несут самодельные плакаты, некоторые здесь в первый и, возможно, в последний раз. Многие жители Далласа не представляют своего города без Дирка, многие повзрослели вместе с ним и, пожалуй, только пожилые люди до сих пор помнят, каким был город до эпохи Дирка. Клинтон был президентом, смартфонов еще не было, песня группы Aerosmith «I Don't Want to Miss a Thing»¹ занимала первое место в чартах. Город был другим; там, где сейчас стоит центр «Американ Эйрлайнс», раньше была огромная пустошь. «Двери арены открываются за два часа до начала игры, но лучше появиться раньше», – пишет местная газета.

Я осматриваюсь на площади перед ареной. На обочине в очереди выстроились фанаты, ожидающие Дирка, хотя они не знают, в какой машине он едет и с какой стороны. Виктори-авеню, Олив-стрит? Почти все фанаты носят спортивные костюмы и майки с номером Дирка, предыдущие и нынешние модели. Они нарисовали плакаты, чтобы поблагодарить и выразить уважение, некоторые принесли цветы. Когда машина поворачивает из-за угла, люди сразу же узнают Дирка и начинают петь песню, грустное ликование, смесь разнообразных чувств.

Дирк, не останавливаясь, медленно въезжает на машине внутрь арены. Серебряный гараж. Я смотрю вслед «Рендж Роверу». Будет так, как бывает всегда: Дирк заглушит двигатель – такие правила. Специально обученная собака обнюхает машину, проверяя наличие заложенной бомбы, как бывает перед всеми играми, охранник молча помашет рукой в сторону

---

¹ «Я ничего не хочу упустить» (англ.).

Дирка, пожилая дама у ворот пошлет ему воздушный поцелуй. Так было всегда, все эти годы. «Спасибо, мой мальчик, – скажет она так, словно Дирк ее любимый внук. – Спасибо за победу сегодня вечером!»

У входа для прессы, на контроле безопасности, в лифте, ведущем в катакомбы, все уже готово, здесь также витает в воздухе своеобразная атмосфера праздника. Леди, управляющая лифтом, сегодня надела футболку с номером 41. Новицки и Гешвинднер припарковывают машину, их ждут Скотт Томлин и 200 сотрудников арены, возможно даже 300. Охранники, продавцы картофеля фри, уборщики и техники. «Дай пять», «отбей кулачок»... Дирк знаком с большинством уже многие годы, и их восторг трогает его. Гешвинднер остается сидеть в машине и наблюдает, как Дирк медленно продвигается через вереницу людей.

У выхода из лифта кто-то постелил синий ковер к голому бетону, чтобы Дирк мог достойным образом пройти в раздевалку мимо камер и фотографов. Я смотрю, как он проходит мимо нас. Кажется, он в хорошем настроении.

«Финал! – кричит он. – Ура-а-а!»

Дирк Новицки исчезает из виду в раздевалке. Чего он не знает, так это того, что в этот момент четырьмя этажами выше кумиры его юности Чарльз Баркли, Ларри Берд и Скотти Пиппен проходят в VIP-сектор и поднимают за него свои бокалы. Шон Кемп тоже там. И Детлеф Шремпф, он был лучшим немецким баскетболистом. Пока не пришел Дирк.

Дирк Новицки переживал тяжелый сезон, точнее – настоящую пытку. Поначалу операция на лодыжке прошла хорошо, и была надежда, что все быстро придет в норму. Как бы не так. Вместо этого пришли воспаление и осложнения, а история выздоровления была сложной и продолжительной. Во время первых 26 игр сезона он сидел в стороне и наблюдал, как новое поколение в лице Луки Дончича приходит к нему на смену. Он слышал ликование и видел, как Дончич становится его преемником. Дирк поддерживал его. Новицки одержимо работал над собой, чтобы иметь возможность вернуться в строй. Каждые два дня ему ставили сухие иглы в воспаленные мышцы, делали массажи, сгибания и разгибания конечностей. Выход на поле любой ценой! Это стоило огромных усилий, но нога зажила полностью.

Этого хватило на 6,6 очка и почти на 15 минут матча. Дирк старался наслаждаться каждым днем. Каждым рейсом. Каждым отелем. Каждой ареной. Каждой глупой шуткой в раздевалке.

Конец своей карьеры Дирк всегда представлял себе иначе (мы с ним это обсуждали), а именно: тихо и незаметно. Еще год назад он сидел в своем гостиничном номере в Сан-Франциско и говорил, что не хочет суеты, а когда я спросил его о том, как он представляет себе свои последние матчи. «Просто сыграть, а потом сказать: вот и все, спасибо. Больше не хочу. Тело больше не может. Я отдал все. Было очень хорошо. Но я не хочу, чтобы люди знали об этом заранее».

И тем не менее сейчас вокруг него большая суета. Финал украшен мишурой. На дверях арены висят плакаты: «В сегодняшней игре будет использовано много пиротехники», а внизу, в катакомбах зала, находятся десятки коробок с петардами и искровыми фонтанами. На каждом месте болельщика в зале есть картонная табличка с сияющим лицом Дирка, футболка с надписью дня «41.21.1» и небольшая брошюрка в золотом цвете. В последний раз торговые стенды продают преимущественно сувениры с Дирком. Места в первом ряду на эту игру стоят более 10 000 долларов.

«Маверикс» были заняты организацией праздников, лазерным шоу и пиротехникой, невероятным потоком средств массовой информации. Все немецкие журналисты вновь приехали в Даллас, потому что у них у всех своя история с Дирком. У каждого в отдельности. Для них это, вероятно, последняя поездка в Даллас, ни одна редакция не отправит их больше сюда. Им тоже пришлось подготовиться. Они снова живут в «своих» отелях, где они останавливались

все эти годы. Ходят в «свои» рестораны и бары, снова осваивают «свои» маршруты утренних пробежек, снова пьют «лучший кофе в городе». На пивоварне в районе Дип Элум они покупают футболки и кепки в качестве сувениров. Все надеются, что они снова смогут запечатлеть Дирка эксклюзивно на свою камеру. Это их право, они хотят попроситься. Американцы чувствуют то же самое, но у немцев большая ностальгия. И они более меланхоличны. «Немецкие журналисты самые утомительные», – смеется Скотт Томлин перед раздевалкой «Маверикс». Он, вероятно, имеет в виду меня, но не хочет говорить это напрямую.

Выходя из коридора для игроков на свет прожекторов, я думаю о том, что сегодня в последний раз нахожусь в этом зале. Дирк пройдет по этому маршруту через час, все готово. Паркет сияет. Несколько молодых игроков «Маверикс» уже разминаются на поле, съемочные группы собирают свое оборудование, на проекторе над их головами крутят немецкий документальный фильм «Новицки: Идеальный бросок». В фильме можно увидеть отца Дирка, его мать и сестру. А также Хольгера Гешвинднера. И Донни Нельсона, генерального директора. Каждый рассказывает, что их связывает с Дирком.

Фанаты и журналисты, помощники и охранники – все смотрят на экран. Все здесь, все ждут. Тысячи людей и тысячи версий того, кем на самом деле является Дирк Новицки. У каждого своя версия его истории, Дирк Новицки имеет для всех разное значение. Для крупного охранника с периодическим тиком, стоящего за корзиной. Для телевизионщика Скин Уэйд за краем игрового поля. Для двенадцатилетней девочки и ее деда в блоке 107, и он и она в зеленой винтажной майке Дирка. Для меня. Мы все думаем, что знаем, какой он.

Но все не так просто.

7:00 вечера. Зал гудит, как перед финальной игрой, когда игроки выходят из коридора. Люди стоят и снимают каждый бросок, который делает Дирк во время разогрева. Когда он что-то выполняет относительно эффектно, зрители ликут так, как обычно делают лишь в самые решающие моменты в конце матча. Сегодня зал принадлежит ему. *Дом, который построил Дирк.* Вокруг него вся его история. Роберт Гарретт, товарищ по команде с детства, сидит напротив скамейки «Маверикс». Взглядом Дирк ищет своего отца и сестру, он ищет и Гешвинднера, своего друга и тренера. Свою жену Джессику.

На его кроссовках, специально созданных для сегодняшней игры, изображен красный логотип его домашнего клуба в Вюрцбурге, DJK Würzburg.

И, конечно, зал сегодня – его. Игра начинается, и все движется вокруг Дирка. Я записываю, что мог бы сосчитать, сколько бросков он делает, как часто он бьет и откуда, но потом я понимаю, что сегодня речь не о баскетболе. Речь не о том, что он набирает первые десять очков в игре своим броском с отклонением и невероятным трехочковым. Речь не о победе. Сегодня речь идет о Дирке Новицки. И о нас.

Во второй четверти его застигают врасплох. На экране демонстрируется видео о том, как Дирк посещает детскую клинику. Он совершал эти визиты более 15 лет, но только в прошлом году при этом впервые разрешили присутствовать одному журналисту. Дирк видит эти кадры, и, хотя остается еще несколько минут до конца, его накрывает. Возможно, все дело в интонации, в трогательном голосе, сопровождающем видеоряд. Возможно, в этот момент он осознает свое счастье. Дирк Новицки стоит один посреди поля, не в силах контролировать свои эмоции, он опускает взгляд, опирается руками о колени. Зал борется со слезами.

В какой-то момент он берет себя в руки и заканчивает игру. Лука Дончич, выполнив пик-н-ролл, дает идеальный пас в штрафную Дуайту Пауэллу, который передает Дирку, а Дирк забрасывает в баскетбольное кольцо; я задаюсь вопросом: видели ли мы только что последний данк в его карьере?

В какой-то момент все происходит в последний раз.

В конце игры «Маверикс» достигает всего, чего только можно достичь, не переусердствовав. Это особенный вечер, объявляет владелец команды Марк Кубан, независимо от того, нра-

вится это Дирку или нет. Тренер Карлайл произносит несколько трогательных слов, и когда на экране появляются фотографии его кумиров, Дирк сидит на своем месте на скамейке и поначалу выглядит растерянно. Скотти Пиппен? Чарльз Баркли? Ларри Берд? Шремпф? Кемп? Почему показывают этих суперзвезд, этих легенд, какое отношение они имеют к нему?

Специальная команда работала над этим моментом в течение нескольких месяцев в полной секретности, Дирк не должен был ничего узнать, и, очевидно, он и в самом деле ничего не подозревал. Но когда Баркли, Пиппен и Берд выходят на поле один за другим, его осеняет. Его товарищ по команде Девин Харрис сидит рядом с ним и едва ли может сдерживать свою радость. Дирк кусает полотенце, чтобы сдержать слезы. Легендарные игроки стоят в лучах прожектора, время поворачивается вспять: Дирк Новицки, пятнадцатилетний, в своей комнате в Вюрцбурге-Хайдингсфельде, над его кроватью висит плакат Скотти Пиппена и один еще – с Чарльзом Баркли – на его шкафу. И Дирк Новицки, сорокалетний, сейчас. Один из них.

Дирк встает и отбрасывает полотенце в сторону, как будто его подменили. Он неуклюже обнимает легендарных игроков, улыбается, и пока они произносят трогательные прощальные речи, Дирк стоит рядом с ними и слушает.

«Дружище, – говорит Скотти Пиппен. – Ты был для меня источником вдохновения». А потом Дирк остается один в свете прожекторов. Мы все наблюдаем за ним. Арена полностью затемнена, сверкает только аварийное освещение. Дирк в середине. Кто-то кладет ему в руку микрофон. А потом Дирк Новицки говорит то, что мы все знаем, но не хотим признавать.

Я смотрю на серьезные лица вокруг меня. Многие сейчас плачут, а те, кто сдерживается, вот-вот заплачут. У всех нас есть свои истории, связанные с Новицки, моменты с Дирком. Мы все видели, как он терпел неудачи, да мы и сами так часто терпели неудачи. Мы все помним, где мы были, когда он стал чемпионом в 2011 году. Его победа все еще ощущается как наша собственная победа. Дирк Новицки был постоянным спутником, эмоциональной константой для тех, кто сейчас стоит на трибунах, кто прижался к экранам своих компьютеров в Европе и кто прислонился к стойкам в барах в Америке.

Мы с ним выросли, он – то, что связывает нас с нашей молодостью

Я до сих пор не могу сказать, понял ли я Дирка Новицки. Но в тот момент, когда он стоит один в середине своего зала, перед своими людьми, перед своим городом, когда он берет микрофон в конце своей долгой блестящей карьеры, я нахожусь на трибунах рядом с Кренцем, Оттом, Билеком и всеми остальными и задерживаю дыхание. Зал наполнен нами: друзьями, родственниками, товарищами. Его сестра, его отец, его жена. Под нами простирается темно-синий зал, только Дирк освещен, и мы переводим дух.

«Вы, должно быть, уже догадались, – говорит Дирк Новицки. – Это был мой последний матч».

* * *

Эта книга не является учебным пособием, не является мотивационной речью или руководством «Ты можешь это сделать, если захочешь». Эта книга – невероятная история Дирка Новицки, который вырос из худощавого мальчика из Вюрцбург-Хайдингсфельда в суперзвезду из Далласа, штат Техас. Она про того, кто 21 год выступал за один и тот же клуб, став легендой своего вида спорта. Великий Новицки. Про того, кто сформировал и изменил игру, которую он так любит. Про того, кто сделал это с непередаваемым достоинством, при этом не предавая себя.

Это также и моя история. История о том, кто потерпел неудачу в этой игре и кто все же, несмотря на это, не перестал любить баскетбол. И про то, что олицетворяет эта игра. Таких, как я, много. Те, кто наблюдал за Дирком Новицки все эти годы, как будто наблюдают за старым

товарищем по команде, который достиг большего, чем они сами. Многие все еще задаются вопросом: как кто-то может так хорошо выполнять свою работу и при этом не потерять землю под ногами, любовь к игре и уважение к людям?

Я наблюдал за Дирком Новицки и окружающими его людьми – со своей субъективностью, со всеми недостатками участвующего в процессе наблюдателя. Я увлекся и погрузился. Эта книга – мой поиск сущности Дирка Новицки, его особенностей, его педантичности и точности. Эта книга не биография, это моя попытка понять Дирка Новицки.

Часть 1. Дирк Новицки

*Ты познакомишься с Дирком?
Да ты, черт побери, шутишь?*

Другая Лига

3 мая 2012

Моя история о Дирке Новицки начинается в самолете над Атлантикой. Я только что написал книгу о баскетболистах из клуба «Альба Берлин». Мне казалось, я был хорош в этой теме, и, была не была, я предложил немецкому журналу ZEITmagazin сделать репортаж о Новицки. Я постоянно следил за его летом меня – как и многих других – впечатлило.

Мое предложение было простым и, признаться, не совсем бескорыстным: я собирался посмотреть несколько захватывающих игр плей-офф в Далласе, поесть тexasское барбекю, лично встретиться с Дирком Новицки, найти подтверждение тому, каким я его представлял, а затем описать его портрет, чтобы рассказать о том, что он значит для своего города, для своего вида спорта и для меня лично. Казалось, что это будет просто и очень приятно. Я хотел провести с ним две недели, тогда бы я лучше его понял и смог бы рассказать о феномене Новицки. К моему удивлению, редактор сразу сказал «да», и вот я уже летел в Даллас, штат Техас. Я не знал, что моя поездка к Дирку Новицки заполнит мою жизнь на семь долгих лет. Я этого не мог и предположить.

Заснуть на неудобных местах невозможно, поэтому я пытаюсь читать: рассказ Ф. Скотта Фицджеральда, в спешке прихваченный с полки, два отскерокопированных очерка об игре в теннис Дэвида Фостера Уоллеса («Роджер Федерер как духовный опыт» и «Теория струн») и две биографии Дирка Новицки. Мне хочется быть подготовленным. Это будет мой первый визит в Даллас, и сегодня вечером я должен впервые войти на арену «Маверикс». Я бесконечно счастлив.

Возможно, дело в виски, который мне предложил мой тучный сосед-инженер, но до чтения я так и не добираюсь. Его зовут Чарльз, он из маленького городка в Оклахоме. Он увидел мои книги о Новицки, кивнул мне и, недолго думая, угостил меня. Перед ним лежит спортивный раздел газеты «USA Today», поэтому мы начинаем обсуждать баскетбол. Команда Чарльза, «Оклахома-Сити Тандер», будет противником «Даллас Маверикс» в сегодняшнем матче, первый раунд плей-офф, первые две игры уже сыграны. Первый матч «Оклахома» выиграла с разницей лишь в одно очко, 99:98, после второго команды также шли плотно друг к другу, 102:99. Новицки набрал 25 и 31 очко, он был лучшим снайпером. «Даллас Маверикс» мог выиграть обе игры, в конце концов все решил пустяк. Новицки во второй игре держал победу в своих руках, но затем за минуту до конца не смог забросить открытый трехочковый.

Обе команды уже встречались годом ранее. Тогда «Даллас» выиграл серию 4:1 и стал чемпионом. Дирк Новицки показал, пожалуй, лучший результат в своей карьере. Три молодые звезды «Тандера» – Кевин Дюрант, Рассел Уэстбрук и Джеймс Харден – были будущим баскетбола, но «Маверикс» смог обойти этих будущих звезд. Теперь «Тандер» был на год старше и более зрелым, и команда вела со счетом 2:0. «Оба матча могли закончиться и по-другому», – говорю я. Удачный трехочковый, хорошо выстроенная защита. «Но этого не случилось, – говорит Чарльз, заказав еще два виски. – Мы ведем».

Мы говорим о всеобъемлющем превосходстве американской игры (ее убедительности) и о более высоких тактических требованиях европейского варианта (моя теория). Чарльз работает оптовым продавцом строительной техники, он был в Европе по делам бизнеса, собирается пересечь в Далласе и вернуться в Оклахому. Как американец, он акцентирует свои интересы на экономической и статистической стороне спорта. Он хвалит Дирка Новицки за скорость штрафных бросков и экономическую пользу для региона. И больше ничего. Говорит, что он не большой его поклонник. Новицки? Слишком мягкий, слишком европейский. Он произносит слово «европейский» как плохой диагноз. «Вчера он испортил решающий трехочковый, –

говорит он. – И мы победили». Я киваю, Чарльз по-семейному поднимает свой пластиковый стакан и опрокидывает виски.

«Пари! – говорит он. – Оклахома выигрывает 4:0!»

«Ни за что», – говорю я.

«Спорим?»

«Я не спорю».

«Сто долларов, – говорит он, роясь в кармане. – Ты не веришь в своего мальчика? Ты тоже думаешь, Оклахома победит?»

«Спасибо, – говорю я. – Но я воздержусь».

Даже если инженер видит это иначе, Дирк Новицки – один из абсолютно лучших в американском спорте. Он зарекомендовал себя в мире, который не ждал «такого фрукта из Вюрцбурга» (слова Гешвинднера, не мои). Его фанаты любят Новицки, фанаты других команд боятся его. Они знают, о чем говорят, потому что они выросли с этим видом спорта. Поболтать о баскетболе можно как за барбекю в Гринелле, штат Айова, так и за стаканчиком «Олд фешен» в Бруклин-Хайтс, Нью-Йорк. Или с инженером-строителем на борту «Люфтганзы».

Игра Новицки устояла перед обширными спортивными знаниями Америки – статистически, тактически и исторически. Он, вероятно, лучший европеец из тех, кто когда-либо играл в баскетбол. Он коренным образом изменил американскую игру, он революционизировал ее. Баскетбол после прихода Новицки отличается от баскетбола до него: подвижный, более изменчивый, менее ожидаемый, более привлекательный, более утонченный. Игра стала более интернациональной и искусственной. Американцы смогли достойно оценить это влияние, даже если им не нравился Дирк. Он освоил что-то, что принадлежало им.

В Германии Новицки более известен, чем его игра. В течение многих лет он был лицом рекламы банка ING-DiBa и продукции Nike. Он принимал участие в таких телевизионных шоу, как «Поспорим, что..?»² и «Тренажерный зал», Ангела Меркель принимала его у себя, Барак Обама пригласил его в Белый дом. Он сидел рядом с Конаном О'Брайеном и Дэвидом Леттерманом. Он был знаменосцем на Олимпийских играх, на его счету бесчисленное множество побед в матчах всех звезд, чемпион НБА. Представитель спортивной Германии в мире. Но для немцев он остался симпатичным парнем из рекламы, тарам-пам-пам. Они говорят, что он не сильно изменился, он всегда стоял обеими ногами на земле. Дирк один из нас, но мало кто следит за его повседневной работой. Только мы, умники, встаем ночью и смотрим игры. Германии трудно понять, насколько хорошо Новицки играет на самом деле. Что он на самом деле *делает*. У нас он знаменит из-за своей медийности.

С точки зрения журналистики, особенно нет новой информации, которую можно было бы сообщить о Дирке Новицки. Статистика доступна, хронология событий, успехи и поражения известны, скандалы и анекдоты давно рассказаны. Существует много текстов о Новицки, на кресле рядом со мной лежат страницы биографии, можно найти сотни интервью и фото, сотни тысяч отчетов о матчах. О Дирке Новицки рассказывают в журналах «Гала» и «Шпигель», в газете «Уэстфаленност». В американских «USA Today», «The New Yorker», в «Pittsburgh Post-Gazette». История везде похожая: мальчик из Вюрцбурга стал одним из лучших баскетболистов в мире, несмотря на все трудности и низкие шансы. С помощью своего причудливо-гениального наставника Хольгера Гешвинднера он идет неординарным путем, тренируется в уединении в спортивном зале одной из школ, пока наконец не достигнет своей великой цели. Дирк Новицки имеет славу, уважение и, казалось бы, безграничную маркетинговую ценность. Мне нравится история дружелюбного героя, его борьбы и поражений, яркой героической эпопеи

---

² Wetten, dass?.. (нем.).

с прощительными, возможно даже симпатичными, неровностями. Я счастлив за его триумф. Его победы являются в какой-то степени и моими.

Как и многие другие, в детстве я мечтал о профессиональном спорте. Я вырос в Хагене, на окраине Рурской области. Понятие спорта у нас было связано с баскетболом, больше ничего не было. Мне было девять, может быть десять, когда летом 1984 года в крошечном спортзале моей школы мой тренер Мартин Гроф впервые объяснял мне, как забрасывать мяч с индивидуального прохода к щиту, вправо-влево-вверх. Мартин делал вид, что игра – это музыка, а наши шаги – такты, *тум-тум-так*. И снова: *тум-тум-так*. Снова и снова.

Следующей осенью я играл свой первый матч в молодежной группе D, я носил майку с номером 14. Более высокие цифры были зарезервированы для лучших игроков. Мы проиграли с огромной разницей в счете.

По выходным я ходил с отцом на игры Бундеслиги команды «TSV Hagen 1860» в небольшом и забитом зрителями зале Ишеланд, 3000 человек на 1950 посадочных мест, без соблюдения пожарной безопасности, люди были повсюду – на лестницах и в проходах. Я коллекционировал билеты и газетные вырезки с этих игр и кричал до изнеможения. На свои карманные деньги я подписался на баскетбольный журнал, в котором каждый вторник с опозданием на несколько дней издавали результаты игр, очки и турнирную таблицу. Я помню эту грубую бумагу.

В нашем городе имелось два клуба Бундеслиги, это было ожесточенное дерби, во время поединков зал дрожал. В фойе зала курили и пили, как на футбольном стадионе, дым поднимался вверх. Я до сих пор помню имена игроков того времени: могучий Хитрый Кинчеон, прыгун Кит Грей, литовцы Римас Куртинайтис и Сергей Йовайша из нашей команды «Ривален», они были первыми игроками восточного блока на Западе. Я помню рождественский день с моим одноклассником Гвидо, чей отец был литовцем. Когда я вошел в гостиную, трое огромных мужчин сидели вокруг елки и пили водку из стаканов для воды: Йовайша, Куртинайтис и легендарный Арвидас Сабонис, приехавший из Испании. Баскетбол был везде.

Позднее оба клуба объединились против остальной части лиги, они назвали свою команду «Брандт Хаген», местная фабрика по производству сухарей спонсировала их. Я помню команду – победителя Кубка 1994 года, тренера Крюсмана, снайперов Арнда Нейгауза, Адама Фидлера и помню Кита Гатлина, великого разыгрывающего защитника из Университета Мэриленда, который попал в «Хаген» только потому, что его товарищ по команде Лен Биас вскоре после драфта НБА умер от передозировки к***ина. Что вылилось в санкции для всей команды. И теперь Гатлин играл за нас, за «Хаген», и как он играл!

Я хорошо помню, как я был увлечен в детстве. Баскетбол был игрой нашего города, игрой из большого, далекого мира.

Я помню запах спортивного зала на улице Фриденсштрассе, напольные маты, гимнастические стенки, игры воскресным утром. Солодовое пиво после. Длинные дни в залах, лето на открытых площадках. Баскетболисты отличались от футболистов: у баскетболистов был интеллигентный тон, хорошие шутки. Баскетбол был умным, баскетбол был хитрым. Я помню изогнувшиеся тела, летающих людей, ритм, такт. Сначала я был фанатом, потом стал игроком.

Профессиональная карьера была моей целью долгие годы, меня не заботили школа и книги. Все мои друзья играли в баскетбол, моя первая девушка Марта была разыгрывающей защитницей в первой лиге, национальной сборной. Мы с ребятами были одеты в футболки «Чикаго Буллз», на наших стенах висели плакаты со Скотти Пиппенем. В особые дни наши родители возили нас на игры Лиги Европы «Байер Джайентс», и мы видели, как Хеннинг Харниш летит через зал спортивного комплекса Вильгельм-Допатка-халле, у нас были такие же головные повязки и длинные волосы, как у него, мы видели хитрости Майка Коха и пасы Тони

Кукоча из «Бенеттона»³. Мы впитали в себя все, что могли получить от баскетбола, заказывали по почте кроссовки Air Jordan, снова и снова смотрели видеокассеты с отдельными играми НБА и обменивались коллекционными карточками, выпускаемыми компаниями Topps и Upper Deck. Мы знали имена и легенды, но мы не знали, как на самом деле играли в баскетбол в Америке. Баскетбол НБА не казался реальным, конкретным или даже возможным. Линолеум зала «Ишеланд» был пределом достижимого. «Х А Г Е Н» было написано в центре круга, красные буквы на белом фоне, это было центром нашего мира. И так думали во всех спортивных залах страны. В Брауншвейге. В Берлине. В Леверкузене. В Бамберге. Дирк Новицки изменил все это.

Структура профессиональных молодежных немецких баскетбольных клубов в девяностых была проста: нам, игрокам, давали спортивные костюмы и билеты на автобус, и мы приезжали каждый день на тренировку. Лучшие получали денежные средства и в конечном итоге профессиональный контракт, благодаря которому решалась проблема финансирования обучения. Никто не разбогател. Для поддержания физического состояния мы бегали через лес Флейер, нас гоняли вверх по ступенькам стадиона, для развития силы мы поднимали гири в качалке недалеко от нашего зала, для укрепления командного духа был ящик пива в раздевалке или в автобусе. Мы выиграли больше игр, чем проиграли. Мы были неплохими, мы считали себя лучшими.

Когда мне было около 15 лет, я совершил трехочковый бросок с левого фланга в игре нашей команды «Хаген» против команды «Мюнстер», если я правильно помню, время истекло, и мой тренер сразу же заменил меня на другого игрока и предупредил: я высокий игрок, мое место под корзиной, в крайнем случае мне разрешено бросать со средней дистанции, не дальше. Броски с дальней дистанции были обязанностью нашего разыгрывающего игрока Марко Пешича. «Кто попал, тот и прав», – пробормотал я, но послушно сел на скамейку.

В то время мы знали баскетбол как обычную игру с четким распределением ролей для каждого игрока, с четко определенными позициями и функциями внутри команды, вспыльчивым тренером и такими принципами, как «Атакой выигрываются игры, защитой выигрываются чемпионаты». Траектории были заранее установлены, дисциплина была основным условием, и показная активность была важной частью всего этого. Наши тренеры молились на мощную защиту и на четко определенные ходы в атаке. Мы, игроки, делали то, что должны были делать. В Хагене играли в баскетбол качественно и с энтузиазмом, игра *значила* много для моего города. Но мы играли не для того, чтобы в конце получить на очко больше, чем соперник. Мы играли, чтобы противник получил на одно очко меньше. Мы применяли стратегии, которые были известны целую вечность, и назвали это «правильной» игрой, мы играли старомодно и назвали это «олд скул».

Возможно, я мог бы стать хорошим атакующим с дальней дистанции, если бы мне позволили бросать оттуда. Возможно, я бы прыгнул выше, если бы мы тренировались по-другому. Возможно, я мог бы стать другим баскетболистом. Но в реальности все было, вероятно, намного проще: я был слишком маленьким, недостаточно самоуверенным и, вероятно, не мог справляться с давлением, чтобы выступать достаточно хорошо. Я не был каждой клеточкой своего мозга сконцентрирован на своих движениях. Вместо того чтобы играть с интуитивной уверенностью, я играл с постоянным осознанным страхом неудачи. Я просто не был физически и морально создан для этого вида спорта на высшем уровне. Летом 1994 года я перестал верить в свою мечту. У меня все еще хранятся майки тех лет, они лежат где-то в шкафу. Я поступил на гражданскую службу и переехал из-за учебы. Моя баскетбольная карьера закончилась до того, как она по-настоящему началась. Таких, как я, много.

---

³ Нынешний «Тревизо Баскет». (Примеч. пер.)

Именно тогда Дирк Новицки вышел на поле. В 1994 году впервые прозвучали слухи о талантливом мальчике из Вюрцбурга, 1978 года рождения, двухметрового роста, очень подвижного и с отличным броском.

В спортивных залах страны рассказывали, что у него есть все, чтобы стать лучшим игроком Германии. Даже Европы. Может быть, лучше, чем Гарниш, чем Деян Бодирога, возможно, на уровне Тони Кукоча, паука из хорватского «Сплита».

«Хаген» также начал думать об игре по-другому и более современно. У команды были Бернд Крюэль и Матиас Грот, два крупных и ловких игрока, которым разрешалось играть без позиции и более ловко. Грот был того же года рождения, что и Новицки, нападающий с крепким телосложением и ловкостью, а также с отвратительным трехочковым. Крюэль умел бросать и был таким же большим и проворным, как Дирк. Они оба не трусили, они правильно продумывали игру. Они не боялись проиграть.

Я обменял баскетбольные кроссовки на беговые, встретил свою будущую жену, теннисистку, и переехал с ней в Гамбург. Я провел свою юность, играя в эту замечательную игру, но пришло разочарование, и наши пути с баскетболом разошлись. В какой-то момент я нашел в литературе что-то настолько же важное для меня, как и игра. Мои чувства к баскетболу, можно сказать моя любовь, остыли, но даже если я отказался от своей давней мечты, мое тело помнило игру, своего рода механическая память, своеобразная фантомная боль: я все еще точно знал, что чувствуешь, бросая с индивидуального прохода к щиту, *тум-тум-так*, вправо-влево-вверх, я все еще чувствовал плотность игры, напряженность и драму, я все еще отсчитывал секунды, 3–2–1, а затем финальная сирена – смятые страницы рукописи летят в мусорное ведро. Свисток.

По крайней мере, так было до 13 сентября 1998 года.

В тот сентябрьский день я приехал навестить мою семью в Хагене. Отпуск на родине. Мой отец, как в былые времена, достал билет, это был зал «Ишеланд», блок Е за корзиной. Перед игрой мы пили пиво в фойе зала. Болтали и шутили. Все говорили об этом Новицки – или как там его звали. Он поляк? Он действительно так хорош? Когда мы допили пиво, чуть раньше обычного, и вступили в неоновый свет и гул зала, все смотрели программу разогрева молодых вюрцбургцев: Демонд Грин, Роберт Гарретт, Марвин Уиллоуби. И тот самый Дирк Новицки.

В то время об их тренировочной группе ходили слухи, что они играют не «правильно», а дико. При этом «дико» означало все то, о чем еще не думали в немецком баскетболе: скорость, математика, психология, такт, тактика, удовольствие, импровизация. Современная игра. По официальным данным, Клаус Пернекер стоял на боковой линии, Хольгер Гешвинднер был своего рода теневым тренером: без действующей лицензии, но с перспективой на будущее. Новицки вбросил мяч. Он действительно такой особенный, как все говорили? Жители Хагена не очень в это верили. Не все билеты на игру были распроданы, я это запомнил.

А потом я впервые увидел настоящую игру Дирка Новицки.

Он уже был 2,13 метра, и ему не нужно было придерживать ролей и правил, с которыми считались в Германии: большие и тяжелые игроки под корзиной, маленькие и быстрые – снаружи. Поскольку в это воскресенье было уже ясно, что Дирк Новицки скоро переедет в Америку в НБА, Грот, Крюэль и «Хаген» бросили в атаку все, что у нас было. Я говорю «у нас», потому что я надеялся, что «Хаген» победит. История аутсайдера была нашей историей.

Все трое игроков из Вюрцбурга знали друг друга со времен молодежной сборной, они играли вместе всего несколько недель назад на молодежном чемпионате Европы (до 22 лет) в Трапани, а несколько месяцев назад на показательной игре для Nike в Дортмунде все трое были вместе в стартовой пятерке. Выбор немецких талантов играл против их больших

кумиров, против контрактных спортсменов Скотти Пиппена и Чарльза Баркли, Вин Бейкера, Реджи Миллера, Гари Пэйтона и более позднего разыгрывающего защитника Дирка Джейсона Кидда. Американцы приехали в Германию через Париж, скучая в своих отелях, они гоняли на «Порше» по немецким дорогам, а после покупали ротвейлеров и маленькие самолеты. Если говорить по-честному, то наши американцы были из второй лиги, но Баркли и Пиппен были лучшими в мире. Журналист из Хагена Фрэнк Бушманн, стоявший по колено в тумане от сухого льда, представлял немцам великих звезд. Дирк Новицки бросился на Баркли во время своего молниеносного прорыва, об этом позже рассказывали смешные истории. Баркли рассказывал эту историю годы спустя, о том, как Дирк становился все лучше и лучше, чем дальше шла игра.

Спортивный репортер Марк Штейн, в те дни пишущий о команде «Маверикс» для газеты «Даллас Морнинг Ньюс», а затем и хороший друг Новицки, в конце лета во время своей ежегодной репортажной поездки по английским футбольным стадионам решил ненадолго отвлечься и заглянуть в Вюрцбург. За свой счет. В НБА была забастовка игроков, у Штейна было время, и ему стало любопытно. Он захотел посмотреть, откуда появился таинственный игрок, которого «Маверикс» выбрали в драфте. Кто это? Он вообще на что-то способен? Штейну было интересно, ему нравились Европа и европейские игроки.

В Вюрцбургском зале Штейн смотрел игру местной команды против «Бамберга». Новицки набрал двенадцать очков, не закинул ни одного трехочкового, совершил несколько подборов. Он вступил в борьбу с Йенс-Уве Гордоном, немецко-американским игроком из «Бамберга». Ничего суперзрелищного, но команда из Вюрцбурга победила. 79:66. Это была только его третья игра в первой Бундеслиге, но можно было разглядеть талант Новицки. «Я никогда не видел такого высокого игрока, который мог бы так легко бросать с расстояния. Просто не было людей ростом 2,13, которые бы по-настоящему хорошо забрасывали трехочковые». Надо сказать, Штейн был очарован атмосферой. Поклонники сидели прямо на краю поля, кричали и пели, рассказывал Штейн, как и в футболе, все мысли об игре. *«Мне понравилась это».*

Ранее он встречался с Хольгером Гешвинднером в Далласе, и теперь, будучи в Вюрцбурге, он связался с ним. Через день или два Гешвинднер подобрал его в отеле «Вальфиш ам Майн» – они отправились в замечательное путешествие по немецкому автобану. Из Вюрцбурга в Хаген. Они поехали в Рурскую область, еще один крошечный зал, и вроде бы ничего особенного, просто баскетбол. 13 сентября 1998 года Марк Штейн сидел на поле Хагенского зала «Ишеланд» и наблюдал за игрой. «Хаген» против «Вюрцбурга», возможно, мы даже пересеклись. Позже Штейн вспоминал, что у Дирка не хватало сахара в крови и что Гешвинднер подкармливал его газировкой и печеньем. Однако он сразу понял, почему «Маверикс» непременно хотел забрать Дирка Новицки в Даллас.

Я не могу сказать, что игра была очень красивой. Я помню красочную рекламу «ЦВАК» на майках «Хагена» и на повязке Новицки. Я помню Новицки, он был высоким, худым, и он двигался иначе, был проворным, быстрым и не принимал участия в изнурительной толкотне и возне под корзиной. Грот и Крюэль сменяли друг друга, защищая корзину от Новицки. Незадолго до конца первого тайма массивный центровой Буркхард Штейнбах выстроил блок вокруг Новицки, и тот идеально принял мяч на правом фланге. Грот вел сражение вокруг блока Штейнбаха и спешил к трехочковой линии. Новицки видел, как он идет, наметил бросок, дал Гроту прыгнуть, открыл себе обзор на корзину. В отличие от любого баскетболиста, которого я в то время знал, он чуть ниже согнул колени, перенес немного ниже центр тяжести своего тела и сконцентрировался.

Крюэль увидел, как Грот прыгнул, оторвался от своего противника Джеймса Гейтвуда, чтобы помочь, и двумя или тремя длинными шагами оказался возле Новицки, с поднятыми руками, широко раскрытым ртом, глаза зафиксированы на мяче. Новицки увидел, как Крю-

эль бросился вперед, коротко показал ему мяч – лишь крошечный намек, и Крюэль тоже подпрыгнул, потому что ожидал броска, который в тот момент мог бы взять любой другой игрок. Новицки знал, что он собирался сделать. Он осмотрел происходящее: Крюэль прошел мимо него, необратимо оторвался от земли, положился на физику и законы природы, а Грот позади него все еще боролся с гравитацией. Гейтвуд на линии штрафного броска был полностью открыт, Штейнбах передвинул свои 120 кг под корзину. Игра вышла из равновесия. Новицки мог делать все, что хотел, в ту крошечную десятую секунды. Он принял решение.

И он выбрал движение, которое мы увидим сотни, тысячи раз в течение последующих двадцати лет. Тогда это казалось мне необычным, не более того. Обманным маневром Новицки взял мяч с воздуха и с силой пробил его в пол. Два небольших ровных шага от своих противников, и он снова присел, а затем в долю секунды мяч и Дирк двинулись вверх в идеальной синхронности. Мяч взлетел с пола в его левую руку, Новицки подвел свое тело и ведущую руку под поднимающийся мяч точно в нужную секунду, он принял удар, *так-та-дамм*, идеальный дактиль, мяч больше ничего не весил, или почти ничего, он работал на Новицки, и Новицки нужно было только отрегулировать направление. Речь шла о мельчайших деталях. Он подпрыгнул, поднялся высоко в воздухе над всеми, расставил пальцы над удивленным Гротом и потрясенным Берндом Крюэле. Но было уже слишком поздно, мяч покинул руку, скользнув по указательному и безымянному пальцам, как по рельсам, дуга была высокой и чистой. *Свисток*.

В тот вечер Дирк Новицки забросил только один трехочковый из своих шести попыток, так написано в статистике. Но все почувствовали, что он мог забросить и все остальные. В итоге он набрал восемнадцать очков и произвел восемь подборов.

Он был высоким, быстрым и умным, мог бросать и наносить удары из разных позиций на поле, вел мяч и находил, кто из его товарищей по команде был открыт, – он освоил игру на всех уровнях.

Однажды он провел один из типичных вюрцбургских быстрых прорывов, обошел Бернда Крюэля, чтобы добраться до корзины, и забросил мяч в корзину над головой противника. Щелчки фотоаппаратов, у Крюэля все еще хранится это фото в коробке на шкафу в гостиной. Это было четвертое появление Новицки в Бундеслиге, ему только что исполнилось двадцать, и он был все еще слишком легок и слишком худощав, но уже являлся центральной фигурой в Вюрцбурге.

Моя старая команда выиграла матч против Вюрцбурга, но мы увидели будущее игры, еще сами того не зная. «Неплохо», – сказал мой отец. «Это была безнаказанная пробежка, – сказал Бернд Крюэль. – Нет другого способа объяснить, почему он так меня обошел». Бернд Крюэль и Матиас Грот стали очень хорошими баскетболистами. Крюэль играл в Бундеслиге в течение двадцати лет, Грот стал легендой нашего города (он умер слишком рано, в 2017 году, Дирк был глубоко опечален, узнав о смерти Матиаса). А в Далласе Марк Штейн заявил, что не нужно беспокоиться. У Дирка есть навыки, которым нельзя обучить. Новицки, казалось, мог лучше понять структуру игры, он продумывал ее *иначе*. Что-то отличало его от других баскетболистов, которых мы знали в то время. Тогда мне не было ясно, насколько фундаментальным было это различие. Дирк Новицки был олицетворением того, что мы даже не могли себе представить.

С того дня я наблюдал за работой Дирка Новицки. Узнавал о результатах из вечно запаздывающих источников, а ночью смотрел его матчи, сначала по нелегальным трансляциям, потом по официальным каналам. Я изучал статистику каждое утро. Даже в те годы, когда я больше не интересовался баскетболом и не посещал спортивные залы. Когда он играл за сборную, я всегда сидел перед телевизором.

Я был не одинок в этом. У каждого увлеченного баскетболом в Германии есть свои моменты, связанные с Новицки, моменты пристального взгляда, ожидания, удивления, взрывы

ликования. В психологии это явление называется «вспыхивающая память»: эмоциональные детальные воспоминания об особых событиях, которые неоднократно всплывают из глубин памяти. Намеренные или ненамеренные. Воспоминания, которые становятся тем ярче, чем чаще мы рассказываем о них, истории, которые с каждым новым рассказом становятся более конкретными и подробными. «В такие моменты, – описывает этот процесс писатель Дэвид Фостер Уоллес в своем грандиозном эссе о теннисисте Роджере Федерере, – у вас отвисает челюсть, глаза лезут на лоб, вырываются звуки, которые заставляют вашего партнера прибежать из соседней комнаты, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Моменты Федерера еще больше бросаются в глаза, когда вы сами достаточно долго играли в теннис, чтобы знать, что то, что он только что сделал, невозможно. У каждого из нас есть такие примеры».

Похожее происходит и у баскетболистов. В баскетбольной Германии каждый знает кого-то, кто играл вместе с Дирком, все гораздо проще, чем теория шести рукопожатий, это своего рода *две степени разделения*. Мы все наблюдали за изменением игры, в центре которой стоял Новицки и его тренер. Неровности на его пути, падения. Налоговые дела Гешвинднера. Сериал «Полиция Майами» 2006 года. История с Кристал Тейлор в бульварной прессе.

Бросок над Хорхе Гарбахосом в полуфинале чемпионата Европы против Испании, чемпионат мира в Индианаполисе в 2002 году, продолжительные овации в Белграде в 2005-м, олимпийская квалификация против Пуэрто-Рико в 2008-м. Олимпийские игры 2008 года.

За тем, как «Маверикс» завоевывали первенство в 2011 году, мы все вместе наблюдали в пабах, зданиях клуба, гостиниц и украдкой вытирали слезы, появляющиеся в уголках наших глаз. Все мы помним начало июня 2011 года. Заминка Дирка против Криса Боша, бросок с левой стороны, травмированный средний палец на левой руке, удар о доску, нежное прикосновение, *отскок от щита*, драгоценный момент чемпионата. Когда Дирк Новицки наконец сделал это, мы сделали это вместе с ним. Мне казалось, что это мы сами победили. Мы все смотрели и сопереживали.

На экране передо мной видно, что наш самолет достиг больших озер и Среднего Запада, затем – плато Кентукки, *страна эстакад*, американская пустошь и наконец Техас с его нефтяными насосами, километровыми полями и складами. Мы приближаемся к месту назначения.

На первой странице газеты «Даллас Морнинг Ньюс», которую мой сосед сжимает в своей руке, говорится о важности выигрыша. «Нужно их сделать» – стояло там. Сегодня вечером «Маверикс» должны сыграть решающую игру плей-офф против «Оклахома-Сити Тандер», действующий чемпион против молодой команды, которой, казалось, принадлежит будущее. Кевин Дюрант, Джеймс Харден и Рассел Уэстбрук – будущие суперзвезды, каждый из них позже будет лелеять мысль о переходе в другие команды, но сейчас они еще играют вместе: три будущих MVP, самых ценных игрока, в одной команде. Сегодня вечером «Даллас Маверикс» должны выиграть, потому что иначе будет невозможно наверстать три поражения. После игры у Дирка Новицки будет немного времени на встречу со мной, пресс-секретари «Маверикс» согласились, поэтому я в спешке царапаю вопросы в своем блокноте. Я решил, что буду говорить с ним не только о спорте.

Мои годы с Дирком Новицки начинаются там, где они и закончатся: в аэропорту Даллас/Форт-Уэрт. Когда я выхожу из зала прибытия, жара хватается за горло. Я одет слишком тепло для техасской весны. Ни одного облака не видно в небе, бетонные поверхности и стеклянные фасады залиты ярко-синим светом. Я упаковываю куртку, закатываю рукава рубашки и машу рукой такси. Я на месте, можно начинать.

Начало

Иногда случай дает нам ответ, прежде чем мы успеваем задать вопрос. Водителя такси, который должен отвезти меня из аэропорта в центр города, зовут Хейл, ему уже за сорок, родом из Эритреи. Он верит в Бога, в щедрость и – конечно – в Дирка Новицки. Хейл одет в синюю футболку с номером Новицки 41. В его такси пахнет лакрицей, с зеркала заднего вида свисают четки из синих и белых пластиковых бусин, цвета далласских «Маверикс». На приборной панели – наклейка Христофора, святого покровителя водителей. Прямо рядом с ним – карточка, обрамленная в золотую оправу, с автографом на фото Дирка Новицки с длинными волосами и повязкой на голове.

Таксист не может знать, что Новицки – причина моего визита в Даллас, когда он улыбается и говорит: «Святой Дирк – спаситель далласского баскетбола». Движение по шоссе от аэропорта Даллас/Форт-Уэрт до центра города вялотекущее, лучи солнца падают прямоком на асфальт, в такси гудит кондиционер. Хейл сигналил, ругается и протягивает мне лакрицу. Он спрашивает, почему я приехал в Даллас. «Чтобы встретиться с Дирком Новицки, – отвечаю я и киваю в сторону приборной панели, в сторону сине-белых четок, – ведь сейчас плей-офф». Хейл поворачивается ко мне, продолжая вести машину на полной скорости, и ошеломленно смотрит на меня.

«Ты познакомишься с Дирком? Да ты, черт побери, шутишь?»

Мы мчимся к Далласу, и Хейл с энтузиазмом отвечает на все мои вопросы. Он покидает переполненное шоссе и теперь едет окольными путями к стадиону «Американ Эйрлайнс-центр». Такси передвигается через жилые районы, промышленные пустоши, где-то возле сухого русла реки виднеются кактусы, справа и слева от улицы стоят точки быстрого питания, на голых линиях электропередач сидят птицы, похожие на стервятников. Стоянки, многоэтажки, снова стоянки. Американские флаги развеваются на ветру. На первый взгляд Даллас не кажется мне красивым городом.

Хейл знал о Дирке все. Мы проходимся по самым важным моментам в его карьере: он рассказывает об Индианаполисе 2002 года, бронзовом призере Германии, и о присвоении Новицки звания самого ценного игрока турнира. В то время Хейл жил в пригороде Индианаполиса и имел возможность ездить на игры. Вход был почти бесплатный, и тогда он впервые заметил Дирка Новицки. Хейл любит Германию, его брат когда-то жил в Дюссельдорфе. «*Вы знаете Дюссельдорф?*» – спрашивает он.

Я рассказываю о финале чемпионата Европы 2005 года и о том, как на Белградской Арене незадолго до конца проигранного финала против греков публика, когда вместо Новицки выпустили замену, встала и в течение нескольких минут продолжала аплодировать ему. А также о том, что было с Дирком после проигранного чемпионата в 2006 году: как он исчез в служебной зоне, руки над головой, как будто его только что ударили в живот, как будто он боролся за воздух.

«*Вот мы и приехали*», – говорит Хейл и паркуется на Виктори Лэйн. Он уверен, что команда Дирка сегодня победит.

Он твердо рассчитывает на него, он смеется, его смех полон веры. «Добро пожаловать в храм Новицки».

Я плачу, Хейл открывает дверь, я стою перед входом. Огромный баннер простирается над боковым порталом, на котором изображен выкрикивающий что-то Дирк, и под ним боевой клич плей-офф «Маверикс»: *Даллас в игре*. Я знаю эту арену по бесчисленным трансляциям, этот красный кирпич, я видел его сотни раз, снаружи, изнутри, сейчас у меня ощущение, что я вхожу на съемочную площадку. Я понимаю, что я летел в Даллас не просто чтобы взять интервью, – я здесь, потому что хочу стать свидетелем уникального момента. Сегодня

тот день, когда Новицки приведет «Маверикс» к победе. Таково мое убеждение. Хейл ставит мой чемодан на тротуар и протягивает мне свой номер телефона. «Друг Дирка – мой друг, – говорит он. – *Звони мне*».

Я опаздываю, игра начинается через несколько минут. Перелет дает о себе знать, я спешу через служебные коридоры, а когда я вхожу в зал «Американ Эйрлайнс-центр» через вход, расположенный по диагонали напротив скамейки «Маверикс», меня охватывает невероятное волнение: Дирк, снова и снова Дирк, все вокруг синее и белое и под номером 41. Я не ожидал такой интенсивности, в воздухе пахнет попкорном и жидким маслом, надеждой и уверенностью в победе. Я слышу гимн, вижу фейерверк и как зал взрывается, когда команда выходит на поле – но уже в первой четверти игра выпускает воздух из этой идеальной постановки.

У «Даллас Маверикс» дела идут не очень, даже с Новицки. Я слишком уставший, чтобы понять сложную тактическую структуру столкновения, но я вижу, что «Маверикс» отступают. Новицки заменяют. Вторую половину я провожу, перебегая от телевизора в нише служебного помещения к ложе для прессы на шестом этаже высоко под крышей зала. Глядя на экран, становится очевидно, что победа недостижима. «Маверикс» не находят подхода к игре, у них не получается взять ее под свой контроль. Американские журналисты вокруг меня неистово печатают, я отмечаю у себя в блокноте счет и ругань зрителя, но потом все кончено, 79:95. Сегодня героический момент не состоялся.

После игры я сижу в комнате для прессы и жду Новицки, который традиционно появляется перед журналистами после каждой важной игры. Это обязанность лучшего игрока. Я пролистываю свои записи, вопросы к нему: о любимых ритуалах, о скучных моментах в жизни профессионального спортсмена, о том, какое значение для его известности имеет цвет кожи, о важности гонки в спорте. О том, мучил ли его когда-либо денежный финансовый вопрос (например, о том, что делать с почти что 20 миллионами долларов в год). О том, как он сохраняет такую невероятно высокую концентрацию в работе на протяжении многих лет. Приносит ли баскетбол ему все еще удовольствие. Сочувствовал ли он другим знаменитостям (понимал ли их страдания). Сколько лет ему было, когда первый папарацци появился у его двери. Что он чувствует, когда журналы печатают фотографии арестов его бывшей девушки или когда все газеты сообщают о налоговых проблемах его тренера. Считает ли он себя таким приземленным, как все говорят. Использует ли он вообще это слово – «приземленный». Как часто он проклинает все это. Что больше всего причиняет ему боль. Кому он может доверять. Что было настоящим, а что нет...

Через несколько минут заходит Сара Мелтон, пресс-секретарь «Даллас Маверикс», и объявляет, что сегодня интервью не будет, не после такого тяжелого поражения. Пресс-конференции должно хватить. Но у меня будет двадцать пять, может быть, тридцать секунд после пресс-конференции, чтобы представиться.

«Дирк хочет знать, кто за него болеет», – говорит она.

Новицки входит в комнату, встает на подиум и отвечает на все вопросы с натянутой вежливостью. Через пять минут Мелтон прерывает это сухое выступление. Когда Новицки в отчаянии покидает пресс-центр, я бегу за ним и в коридоре задаю ему – не представляясь – вопрос, который слишком глуп, чтобы написать его здесь. Новицки растерянно смотрит на меня, но тут же снова берет себя в руки и подписывает баскетбольный мяч для маленького мальчика. «*Доброй ночи, приятель*», – говорит он. И исчезает.

* * *

Остается два дня до самой важной игры, я брожу по Далласу, но с Новицки так и не встречаюсь. Неясно, когда у него будет для меня время. Сработает ли это вообще. «Маве-

рикс» – предыдущие чемпионы, ожидания высоки, а шумиха в прессе огромная. Они на три очка позади, ситуация сложная. Я должен действовать, я пролетел 8500 километров и задолжал журналу историю нашей с Новицки встречи. Когда я летел в Даллас, то надеялся, что одно приведет к другому. Но сейчас я уже действую на нервы отделу прессы, мы с ними все время ведем один и тот же разговор. *Когда?*

Посмотрим.

Я звоню Хейлу, таксисту, и еду с ним по городу, разговариваю с барменшами, библиотекарями, пьяными фанатами. Он показывает мне город. Лав-Филд. Латиноамериканцев из района Оук Клифф. Виллы района Престон Холлоу. Университетский парк. Нефть и бизнес. Мексиканцев и колумбийцев. Отражающие металлический свет окна в центре города. Я собираю истории, я говорю о Дирке вместо того, чтобы говорить с ним. Отовсюду звучит одно и то же: Дирк, Дирк, Дирк, покоритель сердец, Дирк невероятный, Дирк славный, Дирк – один из нас (каждый здесь называет его Дерком – с буквой «е»). Сотрудники службы безопасности на арене здороваются на немецком языке. Иногда люди вдруг начинают петь: *We are the Champions!* Как Новицки пел с балкона после победы в чемпионате.

Я совершаю пробежку по полю для гольфа вдоль парка Стивенса и реки Тринити, мимо огромной тюрьмы и залоговых контор. Жарко, иногда асфальт просто плавится под ногами. Даллас был создан для водителей автомобилей.

Здесь много феодальных особняков и бедных хибарок, повсюду были дороги и мосты, мосты, мосты, нет только одного: кого-то, кто бы не знал Дирка Новицки, кто бы не мог рассказать свою собственную историю о нем.

Не говоря уже об отсутствии критиков или недоброжелателей Дирка (я найду единственного лишь семь лет спустя, в день его последнего домашнего матча). С того момента, как «Маверикс» выиграла чемпионат, все критики, казалось, замолчали.

Утром второго дня на подъездной дорожке отеля я вступаю в разговор с парковщиком по имени Шейн Шелли. Это долговязый мужчина, который двигается как бывший баскетболист. У Шейна три места работы, трое детей и шестидесятичасовая рабочая неделя. Он диабетик, но уже давно с этим смирился. Он того же роста, что и я, 1,95 метра, но он играл на позиции атакующего защитника в старшей школе Седар Хилл. Сейчас он редко играет. Красная рубашка поло его компании, *Метро Паркинг*, развеивается вокруг его тела, он выглядит уставшим, но моментально приходит в себя. По его словам, ему почти столько же лет, сколько Дирку Новицки: он родился 3 октября 1978 года в Далласе, штат Техас.

На этой неделе у Шейна ранняя смена, я все еще живу по немецкому времени, поэтому мы стоим вместе в сумерках и смотрим на мерцающий горизонт Далласа. Завывают сирены, мы пьем черный кофе из бумажных стаканчиков. Шейн тоже говорит о чемпионстве, потому что все, с кем я говорил, продолжают говорить об этой победе с сияющими глазами. Как будто о *своей* победе. О *своем* Дирке. Шелли, однако, описывает отдельные игровые эпизоды так подробно, как если бы он играл сам.

«Я смотрел плей-офф в своей гостиной, – говорит он. – Первую игру “Мавс” проиграли, а когда во второй игре после трехочкового Дуэйна Уэйда счет стал пятнадцать очков в пользу Майами, я пошел к холодильнику». Жена отсутствовала, он сидел один перед телевизором и боялся, что эта финальная игра провалится. «Я был так подавлен, – говорит он, – что поставил на стол перед собой упаковку из шести бутылок». Coors Light, диабетическое пиво. Кто-то должен был что-то сделать. Как только он открыл первую бутылку, «Даллас Маверикс» начали отыгрываться.

«Я выпил, – говорит Шейн, – и “Маверикс” переломили ход игры».

Он проводит воображаемый баскетбольный мяч вокруг своего рабочего стола, совершает обманный маневр, поворачивается, воображаемый реверс в предрассветных сумерках. Он знает, что его история звучит неправдоподобно, но он любит рассказывать ее, потому что это сработало. Потому что его история была правдой. «Мои дочери спали, я пил пиво, и “Маверикс” победили». 95:93. В Майами. *Волшебный напиток*.

Шейн рассказывает, что следующая неделя прошла отлично. Третий матч был изначально обречен на проигрыш «Маверикс», потому что в этот вечер Шейн был не дома – он должен был смотреть его в баре с друзьями, но во время всех других игр он сидел на диване с шестью бутылками. Последние секунды шестой игры были очень эмоциональными. «На грани слез», – говорит Шейн Шелли и бросает свою пустую кофейную кружку в мусорное ведро, выполнив идеальный бросок с отклонением на одной ноге. «*А вот и утро*, – говорит он. – *Передай привет Дирку*».

Во время утренней тренировки Новицки невозможно поймать. Журналистам запрещено смотреть, когда команда готовится. Мы слушаем возгласы, доносящиеся из зала, скрип обуви, грохот мячей, но перед нами черная занавеска. Мы стоим под трибунами и ждем (90 процентов нашей работы – это ожидание: двери кабин открываются, самолеты улетают, игры заканчиваются и пресс-конференции начинаются). К тому моменту, как нам разрешили войти в зал, Дирк Новицки уже исчез. Я наблюдаю за тем, как пресса набрасывается на его товарищей по команде, Джейсона Кидда и Джейсона Терри. На тренера Карлайла. На Винса Картера, запасных игроков Брайана Кардинала и Яна Махинми.

Игроки команды «Оклахома-Сити Тандер» медленно ползут из раздевалки в зал, в сланцах и мятых футболках, их волосы спутанные, лица небритые. Это было явное позерство. Они идут медленно, молодые спортсмены хромают, как пенсионеры. «Мы только что проснулись, но даже в сандалиях мы вас сделаем». Но когда они выходят на поле, то уже полностью готовы к игре. Они концентрируются на своих ритуалах, выполняют броски, хэндшейки и выражения уважения. Тренер Скотт Брукс и его помощники тщательно подготовили свою молодую команду к игре с более зрелыми «Маверикс». Дюрант, Харден и Уэстбрук полны уверенности в себе, время на их стороне. После тренировки они дурачатся, бросают пачки денег с центральной линии, обращаются к журналистам из Оклахомы как к приятелям и игнорируют всех остальных. «Тандер» уверен в своей победе.

«Маверикс», напротив, загнаны в угол – если они завтра проиграют, то вылетят. Джейсон Кидд держится спокойно, но видно, что он напряжен. Это больше, чем серия плей-офф, речь идет о защите чемпионского титула и, не в последнюю очередь, о большой сумме денег. Когда один из членов команды, Джейсон Терри, говорит, то несет полную ерунду, но его тон звучит увереннее, чем в прошлом году. Совсем иная атмосфера. Далласская газета требовала от «Маверикс» еще больше положиться на Дирка. Пока остальные члены команды играют спектакль перед прессой, Новицки продолжает тренироваться в закрытом боковом зале.

Пресс-секретари «Маверикс» не пускают меня, как они не пускают и других журналистов. «Дирк должен сосредоточиться», – они говорят. «Он не болтает, – говорит Томлин. – Он бросает».

Кафедральный собор возможностей

5 мая 2012

Утром перед следующей игрой я прихожу к арене очень рано. У входа нет охраны как обычно, и я толкаю тяжелую металлическую дверь. Она не заперта. Ничего не зазвенело, не сработала сирена. На лестничной клетке нет ни души, даже в служебных помещениях. Под ногами хрустнула пустая упаковка из-под чего-то, пахнет холодным попкорном. Окрашенный бетон сияет, как будто его только что протерли перед грандиозным и решающим матчем. Я пробираюсь через раздвижные трибуны, отодвигаю черный занавес и вхожу в зал.

Внутри арены темно, горит только аварийное освещение. Кондиционер тихо потрескивает, прохладно, почти холодно. Под паркетом находится каток для хоккеистов «Даллас Старз». Я выхожу на край поля и удивляюсь собственному ощущению волнения. В полумраке огромная арена выглядит совсем иначе, чем во время проигранного матча несколько дней назад: шесть пустых уровней до потолка, ряды сидений вплоть до поля. Темные экраны нависают над полем, бесчисленные коробки свисают с потолка зала на тонких цепях и проволочных канатах. Высоко наверху – почетные майки Роландо Блэкмана и Брэда Дэвиса, титулы чемпиона Западной конференции, победы дивизиона и, выше всего, баннер чемпионского титула «Маверикс».

Чемпион мира – 2011

Я один, в полутьме, лишь несколько мест VIP-ложи на противоположной стороне зала освещены. Я осматриваюсь вокруг, затем осторожно ступаю на паркетный пол, под моими ногами скрипит и потрескивает лакированная древесина. Я медленно иду по полю. *Не ходить в уличной обуви.* Тихо, но в воздухе витает предощущение мощного звука, напряжения. Сегодня вечером все будет сиять, переливаться и греметь. Я останавливаюсь в среднем круге. Если бы у меня был мяч, я бы бросил его – я бы попал в корзину, я бы исполнил свою давнюю мечту.

Я поднимаюсь по ступеням трибуны, шаг за шагом, все выше и выше. В темноте задних рядов я открываю свой блокнот. Зал «Даллас Маверикс» неподвижно лежит подо мной. Для баскетболистов пустая арена – особенное место. Мы знаем, как ощущаются тренировки, нехватка воздуха, жжение мышц, мы слышим скрип обуви. Звук мяча, проходящего через сетку.

Свисток. Свисток. Свисток.

Пустые залы – это кафедральные соборы возможностей. Мы представляем себе, что может здесь происходить: решающие броски, великие победы, зрители, сидящие там, где теперь виднеются только серые ряды сидений. Я сижу в темноте и погружаюсь в свои воспоминания: все залы, вся боль, все проигранные матчи. Счастье. Я записываю в блокнот, как это могло бы быть, я заглядываю в другую жизнь. Все те мечты. Если бы я был другим игроком, немного выше, быстрее, гибче. Немного умнее, чуть сдержаннее. Свободный в мышлении, более актуальный в данный момент, менее увлеченный обычными повествовательными схемами: какого рода игроком я был, что для меня значил баскетбол и как я играл свои матчи, что было до и после и в моменты между ними. Паркет «Американ Эйрлайнс-центра» мерцал.

Внезапно зажигается свет. Щелк, щелк, щелк. Свет от прожекторов озаряет половину поля холодным синим цветом. Худой парень в униформе «Маверикс» идет, ведя мяч через паркет. Он останавливается перед письменным столом и осторожно поправляет сукно. На стеллаже лежат семь мячей. Парень берет их в руки один за другим, подбрасывает в воздух, крутит, проверяет давление. Лампы медленно нагреваются, свет становится теплее. Я остаюсь там, где был. Хотя мыслями я далеко.

Затем из туннеля появляются еще две фигуры: одна в подвернутых спортивных штанах, другая в джинсах, одна в униформе «Маверикс», другая в клетчатой рубашке. Дирк Новицки и Хольгер Гешвинднер. Тренер снимает куртку и вешает ее на стул во втором ряду, Новицки ставит бутылку с водой на пол на край поля. Он берет мяч, крутит его в руке, но выбирает другой. Затем они начинают.

Почти каждый бросок заканчивается попаданием. Новицки бросает направо и налево, из зоны и с двухочкового расстояния, с трехочкового слева, справа, с нулевого угла, из-за спины и с поворота, он оборачивает мяч вокруг своего тела, между бросками он приседает, он стучит мячом о землю, *тук, тук, тук*, регулирует свои шаги, *тук тадам*, реагирует на невидимых противников, обходит их, как будто мимо него пролетают призраки прошлого. *Грот. Крюэль. Духи будущего – Ибака, Коллисон. В перерывах – штрафные броски, снова и снова.*

Гешвинднер снова и снова ловит мяч из-под сетки, только время от времени он четко показывает, что Новицки должен делать иначе: как нужно переставлять ноги, как раздвигать пальцы, как двигать корпусом, двигаясь в такт с мячом. С того места, где я сижу, невозможно услышать, о чем они говорят и говорят ли они друг с другом вообще, но их сконцентрированность ощущается и здесь, в темноте. Важный момент. Речь идет о сегодняшней игре, о исходе серии плей-офф, о защите чемпионского титула. Речь идет о прошлом, настоящем и последующих годах. Речь идет о мельчайших деталях, расположении корпуса, углах, положении пальцев. Это решающий момент, на кону стоит все, и никто, кроме меня, этого не видит.

Я сижу в темноте, как невидимка, с блокнотом на коленях и смотрю, как готовятся Дирк Новицки и Хольгер Гешвинднер.

3036 Мокинберд Лэйн

Гешвинднер и Новицки закончили тренировку, я жду несколько минут, затем выхожу из зала, а вскоре звонит телефон, это Гешвинднер. Он говорит, что получил мое сообщение, что около полудня он будет в «Старбакс» недалеко от Южного методистского университета.

«Приходите туда, – говорит он. – Тогда и поговорим».

Около полудня я выхожу из такси Хейла на Мокинберд Лэйн. Место встречи назначено в типичном торговом центре, какие можно найти в любой точке США: парковки, маникюрный салон, пиццерия, магазин мобильных телефонов и снова бесконечные парковки. Столбы прожекторов футбольного стадиона SMU возвышаются недалеко над крышами, где-то шумит 75-е шоссе. Когда я вхожу в кафе, то сразу же вижу его: пожилой человек среди студентов с учебниками и MacBook. На Гешвинднере та же рубашка, что и в зале сегодня утром. Седые волосы, угловатое лицо, 67 лет, никакого лишнего веса. Перед ним лежат бумаги и документы, рядом стоят две или три кружки из-под кофе. Он сосредоточенно пишет в небольшой тетради: он похож на профессора германистики, Самоделкина, специалиста по древней истории, предсказателя будущего. Гешвинднер замечает меня, коротко кивает и жестом предлагает мне сесть. И спокойно продолжает писать. Я жду, его телефон звонит: «На работе», – говорит он, слушает несколько секунд, кивая, затем вешает трубку. В какой-то момент я от смущения тоже достаю из сумки свой блокнот и записываю первое, что пришло в голову: на бумажных стаканчиках, стоящих между нами, написано «Вилли».

Мы с Хольгером Гешвинднером уже встречались раньше. В своей предыдущей книге о берлинской команде «Альба» я описывал мир профессиональных баскетболистов, ностальгируя по спорту. Митхат Демирель, спортивный директор клуба «Альба», раньше он был напарником Новицки и соседом по комнате в национальной сборной, всегда был умным стратегом. Они с Гешвинднером хорошо ладили, и Демирель почему-то тогда решил, что мы должны познакомиться друг с другом.

Его план тогда не очень сработал. Во время выездной игры берлинцев в Бамберге нас посадили рядом друг с другом, но никакого реального знакомства так и не случилось. В то время Гешвинднер жил в деревне в нескольких километрах от «Бамберга». На нем была ярко окрашенная фетровая шляпа, которая выглядела как-то по-дальневосточному (из Монголии, как он объяснил мне). Он весь вечер проходил в застегнутом пиджаке, казалось, что мыслями он где-то в другом месте. Игра была жалкой, односторонней, скучной, неритмичной – неинтересная баскетбольная игра. Тренеры громко подсказывали все ходы, игроки неохотно и безуспешно их выполняли. Мы с Гешвинднером сидели рядом, но разговаривали мало. Я думал, что он был своего рода шутом, который видел правду и мог ее озвучить. Сначала я пытался что-то комментировать, но Гешвинднер в ответ только что-то недовольно пробормотал себе под нос. Что еще сказать об этой игре? Это была полная противоположность представлению Гешвинднера о баскетболе. После перерыва «Альба» шла позади, 31:51. Прежде чем мы успели опомниться, игра закончилась с катастрофическим счетом 52:103, Гешвинднер встал, чуть не раздавил мне руку, пожимая ее, и ушел.

Если кто-то соприкасался с Дирком Новицки, то уже не мог пройти равнодушно мимо этого человека. Гешвинднер считался его первооткрывателем, его покровителем, даже его создателем (если такое бывает). Но ему, похоже, не нравилось говорить о себе, он предпочитал держаться в тени. То, что мы знали о нем, было мозаикой заголовков и ключевых слов, связанных с его именем, таких как «наставник» и «исследователь», «паук» и «налоговое дело».

Он опередил свое время. Я знал, что когда-то он был игроком, на его счету шестьсот игр Бундеслиги, но в списках рекорсменов спорта всех времен его имя не значилось, потому что систематическое ведение статистических записей началось только в конце 1980-х годов. В лучшие дни Гешвинднера баскетбол в Германии не был достаточно распространен, и только после окончания его карьеры этот вид спорта стал популярным. Только после него появились профессиональные структуры.

Гешвинднер был игроком. Свой последний матч в Бундеслиге он сыграл в 1987 году, но и позже, в пятьдесят, он иногда участвовал в играх Юго-Восточной региональной лиги. Дирк и Гешвинднер встретились в 1993 году на выездной игре команды «Эггольсхайм» в Швайнфурте. Я точно не знал, чем Гешвинднер тогда занимался, что входило в сферу его профессиональных интересов. Управленческий консалтинг, как говорят некоторые, устранение неполадок по требованию компаний. Говорят, он решал проблемы, был человеком действия. После встречи с Дирком он разработал многоэтапный план, как сделать парня таким, каким он стал сегодня. Его методы включали в себя полный пакет, состоящий из математики, психологии, образования, дисциплины и убедительного безрассудства. Гешвинднер не был публичным человеком, его описывали как взбалмошного чудака, как доктора Франкенштейна, как безумного профессора. Мне хотелось спросить его об этом, но он был поглощен своими записями.

В «Старбакс» на Мокинберд Лэйн он, похоже, и не помнит нашу встречу прошлой зимой. По крайней мере, он предпочитает оставить любезности и продолжает писать. Юные бариста выкрикивают одно имя за другим.

«Джесси».

«Лаура».

«Высокий карамельный макиато для Марка!»

«Питер».

Сумасшедший проповедник входит в кафе и громко объявляет о конце света: «Народ, нас ждет погибель!» Гешвинднер сует тетрадь во внутренний карман пиджака, встает и смотрит на меня.

«Кофе?» – спрашивает он.

«С удовольствием», – говорю я.

Когда он возвращается с двумя чашками гранд латте, на стаканчиках снова значится «Вили», на этот раз с одной буквой «л». «Они не могут нормально написать Хольгер, – говорит он, смеясь. Когда он смеется, внезапно выглядит как другой человек. Морщины на его лице больше не свидетельствуют о тревогах. – А фамилию Гешвинднер тем более».

В результате разговора с Хольгером Гешвинднером можно предположить, почему Новицки так долго играет на высшем уровне. Можно *предположить*, но знать наверняка невозможно. Он кажется неприступным и общительным одновременно, рассказывает какие-то истории, но не личные. Сегодняшний матч плей-офф против «Оклахомы», кажется, не заставляет его нервничать, даже почти не интересуется его.

Он здесь, чтобы корректировать броски Дирка, если это необходимо, и быть на месте, когда Дирк нуждается в нем.

«Речь идет о крошечных нюансах», – говорит он.

Я пытаюсь объяснить ему, что меня интересует в Дирке Новицки, но кажется, будто Гешвинднер уже знает все мои мысли, давно ответил на все вопросы. Кажется, он думает быстрее, чем говорит. Он опускает информацию, которая ему кажется и так ясной. Он перепрыгивает с темы на тему, слишком быстро переключаются механизмы в его голове. Мы пролетаем через вселенную Гешвинднера, от Рильке до физики, Ницше и принципа неопределенности Гейзенберга. Если я думаю не в том направлении, он останавливает меня и говорит: «Не спешите». Когда мы вызем, он говорит: «Да неважно» – и переключается на следующую тему, которая кажется ему более важной. Время от времени Гешвинднер останавливается в середине предложения, вглядывается в пустоту над моей головой и записывает мысль в свой блокнот.

Иногда он открывает компьютер. На экране появляется нарисованная фигурка с точными пропорциями тела Дирка Новицки. Расчеты угла и кривой показывают, как выглядит идеальный бросок. Речь идет о том, как именно Новицки должен бросать, чтобы попадать в корзину, даже если он допускает ошибку. Гешвинднер вытаскивает лист бумаги из своей стопки и хватает мою ручку: он делает наброски формул и намечает формы, формулирует теории и тезисы, накидывает литературные ссылки на бумаге. В один момент он говорит о баскетболе, затем возвращается к геометрии, рисует эллипс и объясняет, что две точки этой формы всегда могут быть связаны друг с другом через периферию, независимо от того, что у них на пути. Это лучший способ описать отношения между ним и Дирком Новицки. «Достаточно близко, – говорит он, – но не слишком близко». Он усмехается моему раздраженному взгляду: «Настолько далеко, что достаточно близко?»

Он не уверен, можно ли вообще адекватно написать о Дирке Новицки. Есть ли подходящие слова для описания того, что парень делал годами. «Мальчик», – говорит он. Для этого нужно изобрести свой собственный язык. «Дирк Новицки – как экстремальный альпинист», – объясняет он. Обычных предложений просто не хватит, чтобы объяснить невероятные физические и умственные способности. Чтобы оценить их по *достоинству*. «Когда ты находишься на высоте в шесть тысяч метров, – говорит Гешвинднер, – ты даже не знаешь, даже не понимаешь, какой цирк творится в голове». Я готовился к разговору о баскетболе и о житейской психологии, меня интересует биография, а он говорит аллегориями, тема спорта отходит на второй план.

Гешвинднер рассказывает, что всего несколько месяцев назад он сам был на пике Мера в Гималаях и что он путешествовал со своими друзьями Кендлом и Редером на самолете в Луклу, самый опасный аэропорт в мире, а затем в течение нескольких дней поднимался все выше и выше – от лагеря к лагерю, от домика к домику. И то, что происходит в голове на пути к вершине в 6476 метров, – это невероятное ощущение. «Трудно описать такие вещи». Это метафизика. Или религия. В зависимости от обстоятельств.

Такие игроки, как Дирк, в течение многих лет, в переносном смысле, находятся на высоте восьми тысяч метров. «Тем, кто имеет экстремальный опыт, прежде всего не хватает слов выразить это», – говорит Гешвинднер. Гешвинднер смотрит на меня и указывает на мою тетрадь. «Слов без опыта недостаточно, – говорит он. – А те, у кого в распоряжении могут быть слова, не имели опыта».

«Но...» – начинаю я.

«Не спешите», – говорит Гешвинднер. Он поднимает руку и качает головой. В 1970-х годах философ Томас Нагель написал в своем эссе «Каково быть летучей мышью?» о том, что можно знать все о летучей мыши, но никогда не знать, что значит быть летучей мышью. Фридрих Ницше говорил: «Человек, который открывает душу другим, избавляется от самого себя, кто обо всем рассказывает, тот забывается сам». Поэтому Дирк Новицки не может показать себя изнутри, ведь это привело бы к потере того самого внутреннего содержания. Я завожу разговор о статьях журналиста Фостера Уоллеса – «Роджер Федерер как духовный опыт» и «Теория струн».

Гешвинднер перебивает меня: «Теория струн? Вы там что-то поняли?»

В разговоре с Хольгером Гешвинднером у меня постоянно возникает чувство, что меня проверяют. Я вынимаю свой блокнот с вопросами из кармана и кладу его рядом с нашими кофейными кружками. Я говорю, что мое желание как журналиста – создать портрет Дирка психологически ясным и объяснимым, чтобы осмотреть его со всех сторон. Описать феномен такой игры, Дирка Новицки. *Как* он играет в баскетбол. И что нужно для того, чтобы заниматься спортом на таком уровне в течение столь длительного периода времени.

«Я не хочу вас обескураживать», – говорит он.

«Разве?»

Мы беседуем почти два часа, очевидно, Гешвинднер умеет вести словесные дуэли. Завершая беседу, он смотрит на часы, собирает листки бумаги и встает. Он должен успеть встретиться с математиком в университете, а после проехать вверх по Стрэйт Лэйн и вместе с «мальчиком» отправиться в зал. Такой ритуал. Разговор меня вымотал, но все же я осторожно спрашиваю, могу ли я присоединиться к ним. Поездка на автомобиле с ними обоими перед решающей игрой была бы идеальной частью истории. По крайней мере, я хочу попробовать это. «Мне было бы интересно».

«Я вас понимаю, – говорит Гешвинднер. – Но нет».

«Конечно, – отвечаю я. – Успехов».

«Мы всегда стремимся сделать то, что прежде еще не удавалось», – Гешвинднер протягивает мне визитку, напечатанную с двух сторон. Во время разговора у меня сложилось впечатление, что я его утомил, но вот он улыбается мне и протягивает руку. «До вечера», – говорит он и уходит. Я наблюдаю за ним из кафе. На стоянке припаркованы пара огромных внедорожников и «Порше», но Гешвинднер садится в семейную машину «Кадиллак-Эскалейд» и медленно выезжает со стоянки. Один из бариста подходит к нашему столу. «Извините, – говорит он, собирая посуду со стола. – *Можно вопрос?*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.